

— Когда мы только приехали, я боялся, что здесь могут снова объявить набор в армию, поэтому не решился менять твои документы, — понизил голос Ду Чжунпин. — У меня, к счастью, есть учёная степень, так что даже мои домочадцы от службы освобождены. За последние дни всё выяснил: если и будут призывать, то только тех, кто уже сложил оружие и вернулся к земле. Я поговорил со старостой, и твой статус зарегистрировали здесь же. Как раз удачный момент, чтобы сменить рабскую книгу.

Ду Ань удивился:

— Староста согласился?

— Я вкратце рассказал ему о делах семьи Ду. Хоть и говорят, что сын не должен судить отца, но сейчас не до принципов. Староста выслушал и сказал, что раз ты все эти годы поддерживал хозяина без влияния и состояния, то и впрямь заслуживаешь звания «праведного». Так что мой поступок пришёлся ему по душе, и всё устроилось без малейших затруднений.

— Люди здесь и вправду такие же прямые и справедливые, как ты, господин, и говорил, — прищурился Ду Ань. — С тех пор как ты обмолвился об этом несколько лет назад, я только об этом и думал, даже больше, чем положено слуге. Просто не ожидал, что получится так легко. Раньше-то я полагал, будто ты на север подался сгоряча, а оказалось — всё заранее обдумал.

— Я и вправду давно всё обдумал, — отозвался Ду Чжунпин. — Из-за семьи Ду и гневаться-то не стоило. В конце концов, мы и так одна семья, дело лишь в формальностях. Обещал я тебя освободить — значит, исполню. Хоть ты и не придаёшь этому значения, а всё же свободному человеку живётся увереннее. Да и потом, на чужбине нам надо держаться вместе, а братья надёжнее дальней родни. Земли тоже больше достанется. Неужто я только об этом и думал?

Ду Ань заметил, что господин говорит всё быстрее, а уши у него слегка порозовели. Поняв, что тот смущён, поспешил сменить тему:

— Чжао Ба сказывал, что брат невестки Ван здорово теплую стену кладёт. Печь истопишь — и во всём доме жарко. Мы же люди новоприбывшие, как зиму переживём? Может, и нам такую сложить?

— Дело хорошее, да только как людей зря беспокоить?

— Верно, — согласился Ду Ань. — Суди по характеру невестки Ван: если деньги предложишь, точно обидится.

Ду Чжунпин хлопнул в ладоши:

— Придумал! Скажем, будто празднуем твое освобождение. Стол накроем, нескольких знакомых позовём. Тогда и попросим, и угостим — всё выйдет непринуждённо. Да и Чжао Ба поможет.

Обсудив всё как следует, они умылись и отправились на покой.

На следующий день Ду Чжунпин и впрямь пригласил гостей на вечернюю трапезу.

Ду Аню пришлось отложить уборку во дворе. Вместе с Чжао Ба он сходил в деревню, принёс всякой зелени да несколько кувшинов кукурузной водки, и принялся хлопотать над ужином.

Чжао Ба был парень душевный. За те несколько дней, что они копали с Ду Анем погреб, они успели сдружиться. Узнав об освобождении товарища, он искренне обрадовался. Позвал Фан Шэна — пусть и с ребёнком посидит, и Ду Чжунпину компанию составит, — а сам принялся помогать Ду Аню: кур резать, кроликов разделывать.

Работая, Чжао Ба без умолку болтал:

— Староста на людей зряч! Говорил, мол, сючай твой — парень правильный. Только обосновался — и уже тебя освободил. Честный, значит. И ты за него не зря переживал.

— Мы молочные братья, — ответил Ду Ань. — Он с детства никогда надо мной не возвышался, всегда делился тем, что было. В прошлые годы, когда приходилось туго, хозяина никто не трогал, а мне то и дело подножки подставляли. Однажды батюшка его меня же и наказал сурово. А он это запомнил и всё носил в мыслях. На юге ничего не вышло, хоть мы и пытались. Я уж и думать перестал. А он всё-таки здесь добился.

Вздыхнул и добавил:

— Боюсь только, как бы кто не воспользовался этим предлогом, чтобы ему навредить. Кто знает — скажет: «Человек долга». А кто не знает — заподозрит, будто он под моим именем лишнюю землю захотел, выгоду ищет.

Чжао Ба рассмеялся:

— Зря ты так! У нас здесь превыше всего честь да совесть. Ты спроси, сколько только благодаря братьям из мёртвых восстали? Как твой сючай этот поступок совершил — все только и говорят: «Парень надёжный, с таким дружить можно». Не бойся, хулы не будет, одна хвала.

Выслушав его, Ду Ань успокоился и весь ушёл в стряпню.

В горнице Ду Чжунпин с Фан Шэном тоже без дела не сидели. Фан Шэн устроился на кане, в руках книга, а сам глаз не сводит с сидящего рядом Цзинь-эра.

Цзинь-эр важно восседал, перед ним на блюдечке лежали орешки. Он методично, один за другим, отправлял их в рот, словно исполнял некое важное предназначение.

Ду Чжунпин же на полу разбирал свои дорожные запасы: сушёные фрукты, цукаты. Время от времени подносил Фан Шэну:

— Попробуй!

Если тот хвалил, Ду Чжунпин откладывал немного на отдельную тарелку — к вину пригодится.

— Сынишка у тебя смирный, — заметил Фан Шэн. — Не плачет, не капризничает. С ним легко.

— Много ему пришлось из-за меня вынести, — вздохнул Ду Чжунпин. — Совсем мал, а уже с юга на север со мной потянулся. Лишь бы мне в будущем удача улыбнулась, чтоб он больше не страдал.

Фан Шэн, человек внимательный, вспомнил намёки старосты: Ду Чжунпин — из хорошей семьи, да отец пристрастный был, вот и остались они втроём, сами по себе. Потянулись в суровый Яньбэй, жизнь налаживать. Нелёгкая доля для юноши. Заметив грусть в его словах, Фан Шэн поспешил заговорить о лекарственных травах, о том, как их собирать, о лесных дарах.

Упомянул и про грибы — мол, если высушить да с жирной курицей протушить, объедение просто. Ду Чжунпин, чувствуя его доброту, поддержал беседу, и постепенно настроение его просветлело.

Едва солнце к западу склонилось, как явились староста с товарищами, да ещё гостинцев принесли — фиников, боярышника дикого. Когда все собрались, Ду Ань с Ду Чжунпином вынесли большой круглый стол, купленный днями ранее, и поставили в восточной горнице. Уселись тесным кругом. Ду Чжунпин с Цзинь-эром на руках беседу вёл, а Ду Ань блюда подавал.

Надо сказать, деревня эта была зажиточнее окрестных, но до южной изысканности ей всё же было далеко. Поэтому искусство Ду Аня было встречено единодушным одобрением.

Ду Ань с Ду Чжунпином наполнили гостям чаши, затем подняли свои:

— И не надеялись мы, братья, что жизнь так наладится. Всё благодаря вашей доброте. Наша благодарность — в этой чаше.

И оба осушили до дна.

— Вот это по-нашему! — одобрили гости и тоже выпили.

А потом пошло-поехало: разговоры, смех, угощение.

За столом Ду Ань, к слову пришлось, попросил шурина старосты, Ли Второго брата, помочь через денёк-другой теплую стену сложить. Тот сразу согласился.

Староста же велел им приготовиться: завтра поведёт смотреть выделенную землю, а позже — и в горы сходить. Они поспешили отблагодарить, и снова тост прозвучал. Стемнело совсем, когда гости, довольные, стали расходиться.

Проводив остальных, остались лишь Чжао Ба с Фан Шэном — помочь прибраться. Чжао Ба, выпивши да будучи от природы словоохотлив, только и делал, что хвалил: истряпню Ду Аня, и простодушие Ду Чжунпина — мол, и учёный, а зазнайства никакого. Говорил, с такими людьми и оставаться спокойно можно. Фан Шэн, видя, что уборка почти закончена, а товарищ его разошёлся не на шутку, поспешил откланяться и почти что под руки увёл болтуна.

Цзинь-эр уже спал. Ду Чжунпин постелил ему, раздел и уложил, а сам отправился на кухню помогать Ду Аню с посудой да остатками яств. От вина лицо у Ду Чжунпина стало красным, как у Гуань Юя, но в голове ясность сохранилась.

Возясь тихонько, он сказал Ду Аню:

— Похоже, сегодня мы ненароком самое главное и сделали. Словно вдруг перестали нас чужаками считать. А то ведь прежде будто стена какая-то была.

Помолчал, почувствовал, что это и впрямь так, и с довольным видом добавил:

— Что и говорить, я, господин, человек хороший.

Ду Ань взглянул на него — лицо от вина румяное, выражение немного глуповатое — и сердце у него потеплело:

— Небеса всё видят. Доброму человеку добро и воздастся. Столько ты горя хлебнул, теперь уж

Небо тебе вознаграждение назначит.

На следующий день староста и впрямь позвал их вместе с другими новосёлами — землю смотреть.

Оставив Цзинь-эра на попечение Фан Шэна, Ду Чжунпин с Ду Анем присоединились к прочим.

Земля для новоприбывших лежала за рекой. От пологого склона вниз, к самой воде, а там, в нескольких чжанах от берега, — обрыв. Вода чистая, прозрачная. На отлогом берегу меж зелёных трав дикие цветы пестрели, и лёгкий, едва уловимый аромат витал в воздухе.

<http://bllate.org/book/16286/1467420>